

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ СЛЕНГЕ
(НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ)

WORD FORMATION PROCESSES IN RUSSIAN SLANG
(BASED ON PERSONAL NOUNS)

ГАБРИЭЛЯ ВИЛЬК

ABSTRACT. This paper is devoted to studying productive word formation processes in Russian slang (creating new words morphologically and semantic derivation). The paper focuses on terms which are used to name people and which were taken from S.I. Levikova's *The Great Dictionary of Youth Slang*. The lexical units that are analyzed are not stylistically neutral, and their expressiveness can be achieved through suffixation, compounding, contamination, clipping or *via* metaphors and metonymies.

Gabriela Wilk, Uniwersytet Śląski, Sosnowiec – Polska.

Мацей Видавски определяет сленг как „специфический, экспрессивный стиль языка, состоящий из новых слов (либо старых, применяемых в новых значениях), которые воспринимаются как неформальные, неофициальные, нередко вульгарные, и которые используются в основном в устной речи вместо общеупотребительных с целью передачи дополнительной информации: психологической (эмоциональные состояния, настроение, сила экспрессии, привычность, скрытость) или социологической (желание солидаризироваться с определенной общественной группой, отчуждение, протест против общественного порядка, действующих норм, морали)”¹. Из приведенной дефиниции следует, что сленг как стиль языка предназначен не столько для удовлетворения коммуникативных потребностей его носителей, сколько нацелен на реализацию эмоционально-экспрессивной функции,

¹ M. W i d a w s k i, *Nowy słownik slangu i potocznej angielszczyzny*, Gdańsk 2000, с. IX (перевод цитаты мой – Г. В.). Ср. другие дефиниции сленга: В.В. Х и м и к, *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург 2000, с. 14–15; А. М а р к у н а s, *Пособие по русскому молодежному жаргону: хрестоматия*, Poznań 2002, с. 36. Об особенностях сленга см. также: Э.М. Б е р е г о в с к а я, *Молодежный сленг: формирование и функционирование*, „Вопросы языкознания” 1996, № 3, с. 38, 40; S. G r a b i a s, *Środowiskowe i zawodowe odmiany języka – socjolekty*, [в:] *Współczesny język polski*, pod red. J. Bartmińskiego, Lublin 2010, с. 246.

а сленгизмы связаны скорее с коннотативной, чем с денотативной сферой. В предлагаемой статье предпринимается попытка проследить словообразовательные процессы, характерные для русского сленга, с целью выявить, какими способами возникают новые сленгизмы и при помощи каких средств создается их экспрессивность.

Объектом исследования были единицы, включенные в состав словарной статьи ЧЕЛОВЕК в *Большом словаре молодежного сленга* С.И. Левиковой². Из списка единиц, образующих данное семантическое поле, были исключены фразеологизмы, такие, напр., как *мастер спирта по литрболу* 'алкоголик' или 'неспортивный человек', *ежик в тумане* 'несчастный, растерявшийся человек', а также определения типа *ботанический* 'примитивный, глупый' или *хайрастый, хайратый* 'длинноволосяй'. С учетом исследовательской задачи внимание было сосредоточено на наименованиях лиц, т. е. на именах существительных. Значение некоторых лексем, отобранных из словаря С.И. Левиковой, уточнялось по другим словарям сленга³, за счет которых одновременно пополнялся список наименований синонимическими лексемами, дублетами, не учтенными в ее словаре, но зафиксированными другими авторами. Интересующий нас материал разделен у С.И. Левиковой на 186 тематических групп – по внешнему виду, чертам характера, манере поведения, образу жизни и т. п. Анализ отобранного материала дает, по нашему мнению, достаточно полное представление о том, какие способы образования наименований лиц являются продуктивными в русском сленге. Следует при этом помнить, что сленговое словотворчество можно рассматривать как эксперимент, вид языковой игры, в связи с чем возможности образования новых названий лиц могут быть разнообразны.

Вместе с тем, как показало исследование, в русском сленге протекают такие же словообразовательные процессы, что и внутри литературного языка, т. е. новые наименования лиц появляются в результате морфологической либо семантической деривации.

В статье мы опирались на предложенное И.С. Улухановым подразделение способов словообразования на чистые и смешанные (использующие одновременно несколько чистых способов), узуальные

² С.И. Левикова, *Большой словарь молодежного сленга*, Москва 2003, с. 915–918.

³ В.С. Елистратов, *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005; Д.И. Квелевич, *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва 2005; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001; Т.Г. Никитина, *Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг.*, Санкт-Петербург 2003; А. Маркина, *Толковый словарь молодежно-студенческого жаргона*, Poznań 2003.

и окказиональные⁴. Из семи чистых узуальных способов словообразования в процессе создания сленговых наименований лиц продуктивными оказались суффиксация, сложение, неморфемное усечение и субстантивация.

Наиболее частотным способом образования интересующих нас названий в русском сленге является суффиксация. Высокой продуктивностью характеризуются следующие суффиксы:

-ик, -ник: *тошнотик* 'тщедушный человек' – от существительного *тошнота*, образованного от прилагательного *тошный*; *чистик* 'человек, у которого нет денег' – от прилагательного *чистый*, обладающего в сленге значением 'безденежный'; *клюквенник* 'человек, делающий что-либо небрежно' – от прилагательного *клюквенный*, которое восходит к существительному *клюква*, обладающему в сленге значением 'халтура, ерунда'; *порнушник* 'халтурщик, бездельник' – от *порнуха*, *порно*, *порнография* 'что-либо плохого качества, безделица'; *выпендрёжник* 'человек с завышенной самооценкой' – от сленгизма *выпендрёж* 'снобизм, нахальное поведение'; *беспрайсовник* 'не имеющий денег, бедный' – от прилагательного *беспрайсовый*, производного от слова *прайс* – фонетического заимствования из английского языка (англ. *price* 'цена');

-ан: *братан* 'любое лицо мужского пола' – от *брат* (ср. также *братан* обл. 'старший брат' и 'брат'); *бородан* 'бородатый' – от *борода*; *дедан* 'дед, старик' – от *дед*; *глупан* – от *глупый*; *мозган* 'умный человек' – от *мозг*; *умнан* 'умный человек' – от *умный*; *ботан* 'отличник, зубрила' – от глагола *ботать*, который в школьно-студенческом жаргоне используется в значении 'прилежно учить уроки, зубрить';

-ак(-як): *тупак* 'глупый, несообразительный человек' – от *тупой*; *литляк* – от фонетического заимствования *литл* (англ. *little* 'маленький'); *наивняк* – от *наивный*; *умняк* – от *умный*;

-щик: *динамщик* 'обманщик' – от сленгового глагола *динамить* 'обманывать, не сдерживать обещание'; *фильтровщик* 'слишком подозрительный человек' – от *фильтровать*; *прогонщик* 'нечестный человек' – от сленгизма *прогонять* 'бессмысленно рассказывать что-либо'; *тёрщик* 'улаживающий конфликты' – от мол., крим. *тёрка* 'переговоры'.

Реже используется иноязычный суффикс **-ант**. В собранном нами материале встретились три слова с этим суффиксом: *глупант* 'глупый человек', *неврубант* 'дурак, человек, не понимающий чего-либо', *понимант* 'умный, сообразительный человек'. Эти слова оформлены по сходной модели, причем первый пример образован от прилагательного *глупый*, второй – от сленгового глагола *врубаться* 'понимать, вникать в суть дела', третий – от глагола литературного языка *понимать*.

⁴ См. И.С. У л у х а н о в, *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*, Москва 1996.

В исследуемом материале можно было отметить лишь единичные примеры с другими суффиксами, напр.:

-арь: *косарь* 'бездельник, халтурщик' – от сленгизма *косить*, означающего 'отлынивать от работы, халтурить'; *туфтарь* 'бездельник, халтурщик' – от сленгового существительного *туфта* 'халтура, ерунда';

-ач: *стукач* 'доносчик' – от *стучать* 'доносить, информировать кого-либо о чем-либо';

-ент (иноязычный суффикс): *слабонент* 'слабовольный человек' (ср. с общеупотребительными словами с тем же суффиксом типа *конкурент*, *референт*);

-ис (иноязычный суффикс): *квадратис* 'большой и сильный человек' – от *квадрат* 'культурист';

-ист (иноязычный суффикс): *динамист* 'обманщик' – от *динамит* 'обманывать кого-либо';

-ищ(е): *угрѣбище* / *угробище* 'некрасивый, неприятный человек' – от *угробить* (ср. с общеупотребительным словом *страшилище*);

-л(а): *кидала* 'обманщик' – от *кидать*, что в сленге означает 'обворовывать путем обмана';

-оид (иноязычный суффикс): *крезоид* 'человек со странностями' – от существительного *креза*, которое, в свою очередь, представляет собой переделанное заимствование из английского языка *крейзи* (англ. *crazy* 'сумасшедший'); *шизоид* 'сумасшедший человек' – от *шизофрения*, *шизофреник*;

-он: *доходон* 'слабый, болезненный человек' – от сленгового существительного *доход*, мотивированного глаголом *доходить* 'слабеть, болеть'; *пристебон* 'высокомерный, надменный человек' – от сленгизма *пристебаться* 'придраться к кому-, чему-либо';

-ун: *дедун* – от *дед*;

-ус (иноязычный суффикс): *квадратус* 'большой и сильный человек' – от *квадрат* 'культурист'.

Как видно из приведенных примеров, сленговые наименования лиц создаются на основе как общенародных слов, так и сленговых (жаргонных, арготических). В их образовании принимают участие как собственно русские суффиксы, так и заимствованные. Заслуживает внимания также и то, что в репертуаре суффиксов, участвующих в образовании наименований лиц, появились суффиксы, которые не являются продуктивными для этой группы существительных (напр. суффикс *-он*). Как замечает Антони Маркунас, в сленге с помощью суффикса *-он* от основ глаголов чаще всего производятся существительные, обозначающие действия или состояния, типа *закусон*, *расслабон*⁵.

⁵ A. M a r k u n a s, *Пособие по русскому молодежному жаргону...*, указ. соч., с. 73–74.

Экспрессивность сленгизмов может достигаться путем присоединения стилистически окрашенного суффикса к нейтральной в оценочном отношении основе или присоединения к негативно окрашенному слову нейтрального суффикса (*косарь, динамист, тошнотник, клюквенник*).

Путем сложения слов в русском сленге образованы такие наименования лиц, как *муходром* 'лысый, лысеющий' (*мух-* + интерфикс *-о-* + *-дром* от греч. *drómos* 'место для бега'; ср. с общеупотребительным словом *аэродром*) и *напряжометр* 'конфликтный, создающий напряженные ситуации человек'. Образование слова *напряжометр* представляет собой пример смешанного узуального парного способа образования (усечение + сложение), а его мотивация предполагает знание анекдота про студента и преподавателя на экзамене⁶. К этой группе можно отнести также сленгизм *крезогон* 'человек со странностями', возникший путем сложения *креза* + *гнать*.

Промежуточное положение между сложением и аффиксацией занимают слова с особыми типами морфем – аффиксоидами⁷. Примером здесь может послужить такое обозначение, как *глоколов* 'человек, склонный к мистике, галлюцинациям; алкоголик; наркоман', образованное по следующей схеме: сленговое слово *глюк* 'галлюцинация, видение обычно в результате алкогольного или наркотического опьянения' + интерфикс *-о-* + аффиксоид, точнее суффиксоид, *-лов*⁸ (ср.: *ловить*). Это слово оформлено по продуктивной в русском литературном языке модели типа *зверолов, птицелов, рыболов*.

Продуктивную группу составляют также наименования лиц, созданные путем усечения (сокращения), возникающего в результате тенденции к речевой экономии. Однако упрощая, сокращая слово, носитель сленга не только следует принципу речевой экономии, но одновременно как бы снижает, осмеивает слово⁹. Отсекается главным образом конец основы производящего слова. В результате чистого правого усечения (апокопы) возникли наименования *дистроф* 'хилый, очень худой человек' – от *дистрофик*; *наив* 'наивный, глуповатый человек'

⁶ Как называется прибор для измерения тока? Студент – глядь в шпаргалку. – Амперметр. – Правильно. А как называется прибор для измерения напряжения? Студент в шпаргалку, а преподаватель его по руке хлоп. – ЭЭЭ... Ну... Это... Напряжометр! Препад – в шпаргалку, а студент – его по руке. – Хм. Правильно!, [в:] электронный ресурс: <http://www.studline.ru/yumor/?id=anekdot>

⁷ Cz. L a s h u r, *Współczesny język rosyjski: system gramatyczny (z ćwiczeniami)*, Opole 1998, с. 28.

⁸ Элемент *-лов* мы причисляем к суффиксоидам вслед за Д.Э. Розенталем, М.А. Теленковой. См.: Д.Э. Р о з е н т а л ь, М.А. Т е л е н к о в а, *Словарь-справочник лингвистических терминов*, Москва 1986, с. 351.

⁹ В.С. Е л и с т р а т о в, указ. соч., с. 656.

– от *наивный*; *нарк* и *нарком* – от *наркоман* ‘опустившаяся личность’; *чел* ‘человек, обычно не вызывающий негативных эмоций’ – от *человек*; *шиз*, *шизо* ‘человек со странностями, сумасшедший’ – от *шизофрения*, *шизофреник*; *шварц* ‘сильный человек, занимающийся бодибилдингом’ – от *Шварценеггер*, фамилии известного американского актера-культуриста. В результате смешанного узуального парного способа (правого усечения с суффиксацией) образовались следующие сленгизмы: *дистрофан* < *дистрофнж* + *-ан* и *шизик* < *шизофреник* + *-ик*. Наименование *шизик* могло также появиться в русском сленге путем усечения внутри производящего слова (*шизик* < *шизофреник*).

Для русского сленга характерна также субстантивация. В результате перехода имен прилагательных в класс существительных возникли следующие наименования: *деловой* ‘человек, слишком активный, предприимчивый, сверх меры самонадеянный’, *одноклеточный* ‘недоумок, недалекий, необразованный, но при этом богатый, модно одетый человек’, *четырёхглазый* ‘человек в очках’. Субстантивация относится к морфолого-синтаксическим способам образования.

Интересными, на наш взгляд, являются также наименования, созданные посредством префиксации на базе лексем, заимствованных из английского языка. Следует, однако, заметить, что префиксация в целом не является продуктивным способом образования названий лиц в русском сленге. Ее примерами могут послужить отдельные сленгизмы типа *безандестенд*, *безандерстенд* ‘тупой, недогадливый, ничего не понимающий человек’. Оба обозначения образованы по следующей схеме: русский префикс *без-* + английское слово *understand* ‘понимать’, с той разницей, что в первом примере использован британский вариант произношения слова *understand*, во втором – американский¹⁰.

В русском сленге активизируется еще такой окказиональный способ словообразования, как контаминация. В собранном нами материале встретились два примера контаминации, возникшие на основе звукового подобия: *брахманутра* ‘задумавшийся человек’ (*Брахма* ‘в индуизме: одно из лиц, составляющих наряду с Вишну и Шивой божественную триаду’ + название реки в Южной Азии *Брахманутра*) и *солидол* ‘солидный, уважаемый человек’ (*солидный* + *солидол* ‘техническая смазка’ [англ. *solid oil* – ‘твердое масло’]). В приведенных примерах полностью сохраняются оба накладывающихся друг на друга слова.

Станислав Грабяс, анализируя материал польского языка, пришел к выводу, что экспрессивное словообразование в основном сводится к четырем процессам: деривации, сложению, контаминации, усече-

¹⁰ См. A.S. Hornby, *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, Oxford 2000, с. 1469.

нию¹¹. Русский язык в этом отношении похож на польский, что подтверждает проведенный нами анализ.

Наряду с перечисленными способами существует и неморфологический способ образования сленговых наименований лиц, а именно лексико-семантический способ (семантическая деривация, неосемантизация). Следует заметить, что семантическая деривация трактуется лингвистами неоднозначно. Некоторые языковеды, в том числе И.С. Улуханов, считают, что лексико-семантический способ не следует рассматривать как словообразовательный, так как

способы словообразования современного языка выделяются на основе синхронных мотивационных отношений между словами, а омонимы такими отношениями не связаны. Образование омонимов – это один из исторических процессов пополнения лексики, относящийся к сферам исторической семаологии и исторической лексикологии¹².

Другие лингвисты с этим не согласны, подразделяя способы словообразования на синхронные и диахронные и относя к диахронным лексико-семантический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы¹³.

Суть семантической деривации заключается в метафорическом или метонимическом переосмыслении исконных слов. Значение производного слова основывается на ассоциациях, иногда забавных и далеких, которые связаны с производящим словом. В этих условиях особую значимость приобретает фактор неожиданности, случайности.

Так, в результате метафорического переноса с неодушевленного существительного на одушевленное на основе сходства формы в русском сленге появились такие наименования лиц, как *банан* 'высокий человек', *кишка* 'высокий и худой человек', *палец* 'худой человек'; в результате переноса с неодушевленного существительного на одушевленное на основе сходства функции – *помойка* 'непорядочный, опустившийся человек', а в результате переноса с одного одушевленного существительного на другое – *саранча* 'голодный человек', *шакал* 'подлый человек', *пассажир* 'человек, живущий за чужой счет', *каратист* 'слабый человек, постоянно попадающий в драку'. Основой иронического переноса сленгизмов *пассажир* и *каратист* являются особенности поведения данных людей. В анализируемом нами материале путем метонимического переноса образовалось наименование *мозг* 'умный человек'. Весьма важно здесь обратить внимание на то, что если носитель сленга име-

¹¹ S. G r a b i a s, *O ekspresywności języka: ekspresja a słowotwórstwo*, Lublin 1981, с. 96.

¹² И.С. У л у х а н о в, указ. соч., с. 26.

¹³ *Современный русский язык: система основных понятий*, под ред. Л.Б. Селезневой, Волгоград 1999, с. 143–144, [в:] электронная версия, http://window.edu.ru/window_catalog/files/r25516/volsu083.pdf

нует человека, употребляя название предмета, а не человека (напр. *помойка*), то тем самым он может передавать еще более низкую его оценку.

Следует еще обратить внимание на сленгизм со сложным суффиксом *-овец*: *тимуровец* 'непрактичный человек, который лезет не в свое дело'. Это слово встречается также в нормативном языке, называя участника детского патриотического движения по оказанию помощи семьям фронтовиков, инвалидам, пожилым людям. Оно появилось в годы Великой Отечественной войны и мотивировано именем героя произведения А. Гайдара *Тимур и его команда*, который совершал хорошие поступки. Здесь мы сталкиваемся с интересным явлением: в нормативном языке *тимуровец* обладает положительным значением, а в сленге, т. е. в ненормативном языке, развивается внутрисмысловая антонимия.

Стоит также добавить, что способы номинации лиц в русском сленге взаимосвязаны, причем, например, лексико-семантический способ является первичным по отношению к морфологическому. К примеру, наименование сильного человека *ломовуха* ← *ломовой* ← *лом* образовалось посредством метафорического переноса и суффикса *-ух(а)* (*лом* 'толстый металлический заостренный стержень, при помощи которого ломают, разбивают что-либо твердое'). Следующий пример – это слово *чушок* 'дурак, негодяй', образованное от общеупотребительного слова *чушка* 'свинья или морда свиньи' (метафорическое либо метонимическое переосмысление общенародного слова + суффиксация).

Как можно заметить, слова, относящиеся к нейтральным в нормативном языке, в сленге могут приобретать пейоративную окраску. К подобным выводам приходит Иоланта Хомко, анализируя арготические названия пьяницы, алкоголика и проститутки. По ее замечанию,

особенность многих арготизмов заключается в том, что это слова, уже существующие в литературном языке, которые в арготическом языке приобретают новые значения. В них происходят семантические изменения, характеризующиеся явлением деградации и связываемые с появлением негативной оценочности, как с эмоциональной, так и стилистической точек зрения¹⁴.

Подытоживая сказанное, следует подчеркнуть, что носители русского сленга, образуя наименования лиц, пользуются традиционными способами, характерными для литературного языка, стремясь при этом сделать свою речь в значительной степени более экспрессивной. Экспрессивность создается при помощи словообразовательных средств, в частности суффиксов, оригинального сложения слов, контаминации, неожиданного выбора мотивирующего признака для метафорического или метонимического переноса.

¹⁴ J. C h o m k o, *Polskie i rosyjskie argotyzmy osobowe*, „Studia Wschodniosłowiańskie”, Białystok 2001, t. 1, s. 149 (перевод цитаты мой – Г. В.).